

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Савин Никита Юрьевич

**ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО В ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ**

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание учёной степени
кандидата политических наук НИУ ВШЭ

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Капустин Борис Гурьевич

Москва – 2019

Описание замысла исследования

Проблема исследования и степень ее разработанности

В 2000 году австралийский политический теоретик Джон Драйзек охарактеризовал состояние политической теории как делиберативный поворот¹. Действительно, в 1990-е годы и в последующие десятилетия делиберация стала основной темой в дискуссиях о демократии. В ее обсуждении принимали непосредственное участие подлинные классики политической мысли XX столетия – Юрген Хабермас, Джон Роулс, Роберт Даль, Бенджамин Барбер, Ричард Рорти и другие². Из политической теории идеи делиберативной демократии начали распространяться также в эмпирические исследования и в политическую действительность.

В самом общем виде делиберативная демократия представляет собой идейное течение, в котором «условия политической ассоциации устанавливаются посредством свободного и обоснованного одобрения ее граждан», а «аргументируемость политических решений является легитимной основой для поиска решений коллективных проблем»³. Несмотря на доминирование делиберативной демократической теории в политико-теоретическом дискурсе о демократии сегодня все большую популярность набирает оппозиционное ей агонистическое направление. Среди наиболее ярких представителей этого направления можно выделить Шанталь Муфф⁴, Уильяма Конноли⁵, Джеймса Талли⁶ и Бонни Хонниг⁷. Агонистические демократы заявили о необходимости осмысления парадоксальной природы

¹ Dryzek J. *Deliberative Democracy and Beyond. Liberals, Critics, Contestations*. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 2.

² См., например, сборники: *Democracy and Difference: Contesting boundaries of the Political* / ed. S. Benhabib. Princeton: Princeton University Press, 1996; *Deliberative Democracy* / eds. J. Bohman and W. Rehg. Massachusetts and London: the MIT Press, 1997.

³ Хелд Д. *Модели демократии*. М.: Издательский дом «Дело», 2014. С. 417.

⁴ Mouffe C. *The Democratic Paradox*. London, New York: Verso, 2000; Mouffe C. *On the Political*. London and New York: Routledge, 2005.

⁵ Connolly W. *Identity/Difference. Democratic Negotiations of Political Paradox*. Minneapolis and London: University of Minnesota Press, 2002.

⁶ Tully J. *Public Philosophy in a New Key. Vol I: Democracy and Civic Freedom*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008; Tully J. *Strange Multiplicity. Constitutionalism in an Age of Diversity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

⁷ Honig B. *Emergency Politics: Paradox, Law, Democracy*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2009.

политики и осознания ключевой роли таких элементов как антагонизм, власть и политическое в противовес идеям разума и консенсуса. С этих позиций агонистические демократы выдвинули тезис о том, что в силу собственных предпосылок делиберативная демократия оказывается не в состоянии обнаружить и осознать действительные проблемы демократической жизни, среди которых отмечаются, в частности, рост влияния крайне-правых партий и усиление популистских тенденций в политической жизни.

Такая «слепота»⁸, по мнению представителей агонистического направления, обусловлена неадекватной оценкой природы политики в делиберативной демократической теории. Шанталь Муфф подчеркивает, что лишь осознав парадоксальную природу современных демократий, можно понять их специфическую динамику и предложить ответы на актуальные политические вызовы⁹. Бонни Хониг отмечает в этой связи, что вместо осознания фундаментального политического противоречия между народом и множеством, в фокусе внимания делиберативной теории находятся лишь два второстепенных противоречия – парадокс конституционной демократии и парадокс демократической легитимности¹⁰. В отличие от подлинного парадокса политики, эти два парадокса, по ее мнению, поддаются решению. Парадокс демократической легитимности разрешается через выявление моральной позиции универсализации¹¹. Парадокс конституционной демократии заключается в противоречии между конституционным режимом и подлинной демократией. Этот парадокс разрешается, например, Юргеном Хабермасом через установление внутренней связи между правовым государством и демократией¹².

⁸ О «слепых» зонах делиберативной демократической теории см., например: Bächtiger A., André Bächtiger Niemeyer S., Neblo M., Steenbergen M.R., Steiner J. Disentangling Diversity in Deliberative Democracy: Competing Theories, Their Blind Spots and Complementarities. *The Journal of Political Philosophy*. Vol. 18, №2. P. 32-63.

⁹ Mouffe C. *Op. cit.* 2000. P. 4.

¹⁰ Honig B. *Op. cit.* 2009. P. 16.

¹¹ *Ibid.* P. 25.

¹² *Ibid.* P. 29.

Установка на возможность окончательного преодоления политических противоречий приводит не только к политической слепоте, но и к политической опасности развиваемых в пределах делиберативной теории проектов. В разных версиях делиберативной демократии присутствует идея разумного консенсуса по поводу базовых правил совместного общежития (Джон Роулс) или процедур принятия решений (Юрген Хабермас). Джеймс Талли подчеркивает в этой связи, что всегда существует вероятность разумного несогласия с установленным консенсусом, а любой консенсус в политике всегда по умолчанию будет носить агонистический характер¹³. Ограничение (или даже непризнание) разумного характера такого несогласия придает делиберативной теории репрессивный характер. Талли противопоставляет свое мышление о демократии нормативной политической теории. Свои работы он причисляет к традиции практической философии (публичной философии), которая фокусирует внимание не на должном, а на критическом анализе сложившихся практик управления и угнетения¹⁴. Если делиберативные демократы выстраивают позитивные проекты исходя из определенных метафизических или нормативных предпосылок, Талли следует традиции критической теории общества, рассматривая настоящее в контексте истории как поля борьбы социальных сил. История для него становится не просто прологом к настоящему, но рассматривается как лаборатория настоящего¹⁵. Такой подход позволяет противопоставить делиберативной позиции безвластия взгляд на окружающую реальность как на недетерминированный продукт властной борьбы среди океана других возможностей и потенций¹⁶.

Шанталь Муфф идет еще дальше, утверждая, что политика правого консенсуса в европейских странах, в значительной мере вдохновленная проектами делиберативной демократии, и является

¹³ Tully J. Op. cit. 2008. P. 129.

¹⁴ Ibid. P. 16.

¹⁵ Tully J. Op. cit. 1995. P. 25.

¹⁶ Tully J. Op. cit. 2008. P. 130.

подлинной причиной роста влияния крайне-правых партий¹⁷. Полемизируя с Роулсом и Хабермасом, Муфф обращается к поздним работам Витгенштейна. По Витгенштейну, согласие во мнениях производно от согласия по поводу языка, которое, в свою очередь, производно от согласия между формами жизни¹⁸. В этой логике проблемными оказываются такие конструкции как вуаль неведения и идеальная речевая ситуация. Процедуры не могут существовать в виде абстрактных принципов, способ их бытия – конкретные практики, неотделимые от форм жизни. Процедуры всегда включают в себя субстанциальный этический компонент. Стремление сконструировать и обосновать идеальные демократические процедуры оказывается теоретически неразрешимой задачей. Вместо этого демократическая теория должна поставить вопрос об условиях существования демократической индивидуальности, практик и языковых игр¹⁹.

По мнению Муфф, лишь многообразие институтов, дискурсов и форм жизни, разделяющих демократические ценности, способствует выживанию демократии и воспроизводству демократического гражданства²⁰. Ценности *per se* не могут быть помыслены в качестве медиатора политической коммуникации в рамках делиберативной демократической теории. В роулсовской версии они оказываются явлением частной сферы, в хабермасовской – поддаются рациональному обоснованию. Сведение политической коммуникации к обмену аргументами неоправданно принижает роль страстей и аффектов в политике. Подобно тому, как отсутствие трения мешает передвижению по идеально гладкому льду, изъятие страстей и аффектов из политической коммуникации подрывает саму возможность такой коммуникации²¹.

Защитная аргументация делиберативной теории выстраивается преимущественно в прагматичном ключе, а именно – в виде демонстрации

¹⁷ См.: Mouffe C. Op. cit. 2005.

¹⁸ Mouffe C. Op. cit. 2000. P. 67.

¹⁹ Ibid. P. 68-69.

²⁰ Ibid. P. 96.

²¹ Ibid. P. 98.

тех преимуществ, которые предоставляет отстаиваемая точка зрения для обнаружения и решения политических проблем, с которыми сталкивается демократия. Делиберативные демократы подчёркивают, что наличие нормативного ориентира позволяет дать критические и в то же время взвешенные замечания демократическому процессу²². Большинство авторов, реагирующих на критические замечания, ограничиваются уточнением вопросов о практической осуществимости принципов делиберативной демократии²³. Такие шаги не могут дать исчерпывающего ответа на поставленные вопросы, поскольку в них не обсуждается центральный для агонистической критики вопрос о специфике политической теории как способа знания о политическом. Все авторы продолжают разделять тезис о том, что целью политической теории является разработка политических проектов на основе достижений моральной философии²⁴.

Проблемой исследования является отсутствие ясности в вопросе о том, какие предпосылки должны лежать в основе политико-теоретической рефлексии о демократии. Такие предпосылки в значительной мере определяют направление рефлексии, обуславливают возможность понимания политических процессов и отражаются в значениях формулируемых концептов. Проблемный характер понимания политики и самого понимания политики в делиберативной демократической теории обуславливает обращение к *понятию политического*²⁵.

Характер проблемы отсылает скорее не к содержанию теории, а к её тени²⁶. Прояснение предпосылок, лежащих в основании делиберативной

²² Benhabib S. Models of Public Space: Hannah Arendt, the Liberal Tradition, and Jurgen Habermas // Habermas and the Public Sphere / ed. C. Calhoun. Cambridge, Massachusetts, and London: the MIT Press, 1992. P. 85-95.

²³ См., например: Gutmann A., Thompson D. Why Deliberative Democracy? Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004; Dryzek J. Op. cit. 2000; Dryzek. Foundations and Frontiers of Deliberative Governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Fishkin J., Parkinson J. Deliberating in the Real World: Problems of Legitimacy in Deliberative Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2006.

²⁴ См., например: Benhabib S. Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy // Democracy and Difference: Contesting Boundaries of the Political / ed. S. Benhabib. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 70.

²⁵ См.: Freedman M. What Should the 'Political' in Political Theory Explore? // The Journal of Political Philosophy. 2005. Vol. 13, №2. P. 113-134.

²⁶ О теневой теории демократии см.: Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. С. 10-11. Сам Даль приводит следующее пояснение: «Комплекс идей, который можно условно назвать теорией демократии — смысл выражения я готов вскоре пояснить, — покоится на предположениях и допущениях,

демократической теории, является внутренне присущим ей ходом. Разделяемая сторонниками данного направления установка на децентрализацию разума и открытый характер теории делает возможным такое фундаментальное переосмысление ключевых посылок этой теории²⁷.

Исследовательский вопрос

Как интеграция понятия политического в делиберативную демократическую теорию позволит ей преодолеть невосприимчивость актуальных проблем политической жизни?

Цель и задачи исследования

Целью исследования является определение политической делиберации как центрального понятия делиберативной демократической теории.

Задачи исследования:

1. реконструировать понятие политического в рамках делиберативной демократической теории;
2. описать становление понятия политического в политической теории XX века;
3. прояснить эпистемологические возможности политической теории в отношении политического посредством определения специфики ее предмета и перспективы;
4. критически осмыслить понятие политического в делиберативной демократической теории в свете специфики взгляда политической теории на это понятие;
5. сформулировать политическое понимание делиберации;

которые не критичные сторонники не рассматривают или даже прямо не признают. Эти полускрытые допущения, смутные предположения и замаскированные послылки составляют приблизительно воспринимаемую теневою теорию (shadow theory), которая вечно запутывает ясные, открыто разъясняемые теории демократии».

²⁷ О децентрализации разума см.: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Издательство «Весь мир», 2003.

6. определить пределы возможностей делиберативной системы в отношении производства политической делиберации.

Обоснование границ исследования

Данное исследование посвящено прояснению «теневой» составляющей делиберативной демократической теории как наиболее авторитетного на сегодняшний день направления в демократической теории. Границы исследования определяются границами делиберативной демократической теории. Выше было отмечено, что переосмысление собственных предпосылок является внутренне присущим делиберативной теории ходом. Поэтому *границу* здесь следует понимать как предмет проблематизации и преодоления с целью более точной демаркации. Сегодняшнее состояние делиберативной демократической теории обуславливается влиянием двух философских проектов – дискурсивной этики Юргена Хабермаса и политического либерализма Джона Роулса. Именно эти проекты определяют границы делиберативной теории сегодня, и они же оказываются предметом оспаривания в данной работе.

Следует также пояснить, чем это исследование НЕ является. Во-первых, в этом исследовании не предлагается принципиально новая теория демократии, а разрабатывается концептуальный аппарат для усиления делиберативной теории. Это накладывает свои ограничения на способы построения аргументации. Понятие политического события во второй главе развивается в критической полемике с неокантианством в версиях Джона Роулса и Юргена Хабермаса. Негативные эффекты медиа в третьей главе также рассматриваются в контексте проведения идей делиберативной демократии в жизнь.

Во-вторых, это не философский трактат, посвященный наследию Джона Роулса или Юргена Хабермаса. Оба автора не ограничивали свои философские искания темой демократии и положили начала целым направлениям в современной философии. Каждому из этих авторов

посвящены десятки тысяч страниц литературы, в которых обсуждаются вопросы справедливости, социального действия, международного права и т.д. Эта работа имеет целью критически рассмотреть делиберативную демократическую теорию как теорию демократии, испытавшую значительное влияние со стороны этих двух философов.

В-третьих, это не работа о понятии события. Рассуждения во второй главе содержат в себе речь о событии лишь как релевантной категории для политической теории, когда она ставит вопрос о политическом. Более глубинные вопросы о связи между социальными событиями оказываются уже предметом для дополнительного исследования.

Теоретико-методологические основания исследования

Теоретико-методологическим основанием исследования является концепция сущностно-оспариваемых понятий с рядом критических уточнений. Значение политических понятий тесно связано с конкретной политической действительностью, в которой эти понятия используются. Существовая одновременно в трех измерениях – философском, политическом и обыденном, понятия обретают комплексный характер, несводимый к отражению или чистому конструированию действительности. Признание такого двойного обусловливания преодолевает оппозицию номинализма и реализма и позволяет рассматривать понятия как динамичные элементы действительности²⁸.

Ключевые понятия политики часто относятся к позиции сущностно-оспариваемых. Идея сущностно-оспариваемых понятий была предложена в 1956 году Уолтером Брюсом Гэлли. «Существуют совершенно естественные споры вокруг концептов, которые невозможно разрешить посредством какой бы то ни было аргументации, но которые, тем не менее, продолжаются и

²⁸ Об ограничениях номинализма и реализма в отношении понятия политического см.: Marchart O. Post-Foundational Political Thought. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. P. 57; Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 248.

привлекают изошрённые аргументы и доказательства, » - утверждал Гэлли²⁹. Гэлли выделил семь критериев, по которым понятие может быть отнесено к разряду сущностно-оспариваемых:

1. Оценочный характер – понятие отражает какое-либо достижение (achievement), либо им описывают это достижение;
2. Достижение должно носить комплексный характер, значимость его элементов должна атрибутироваться целому;
3. Любые объяснения значимости достижения включают отсылки к его частям, поэтому значимость может быть описана множеством разных способов;
4. Открытый характер концепта, приписываемое достижение предполагает корректировку в зависимости от меняющихся обстоятельств, которая не может быть предсказана заранее;
5. Все стороны дискуссии осознают, что используемый концепт может быть оспорен другими сторонами на основе оценки критерия, который лежит в основе использования понятия;
6. Концепт выводится из оригинального примера, чей авторитет признается всеми участниками дискуссии;
7. Вероятность и возможность того, что долгий спор за взаимное признание поддерживает достижение оригинального примера или позволяет достичь его оптимального понимания³⁰.

Концепция Гэлли ставит под сомнение целесообразность дискуссий вокруг таких понятий в пределах философии. Вместо этого философия должна заняться уточнением понятий и определением пределов их употребления³¹.

Понятие политической делиберации может быть отнесено к разряду сущностно-оспариваемых. Оно содержит в себе нередуцируемый ценностный компонент (1), который носит комплексный характер (2) и может быть по-разному описан (3). Политические изменения меняют сам

²⁹ Gallie W.B. Essentially Contested Concepts. Proceedings of the Aristotelian Society // New Series. 1955-1956. Vol. 56. P. 169.

³⁰ Ibid. P. 171-172; 180.

³¹ Ibid. P. 197-198.

смысл понятия делиберации, которое по-разному артикулируется в различных исторических и географических контекстах (4). Конкретный смысл понятия делиберации зависит от контекста и цели, которая обуславливает обращение к этому понятию (5). Авторитет Античности как места рождения политики, открывшего доселе неизвестные способы совместного общежития людей, и исходном пункте становления современного мира практически не подвергается сомнению в пределах политической мысли (6). Критичность политической мысли в отношении наличных форм хозяйствования и коллективного общежития позволяет ей контекстуально переосмысливать политическую делиберацию и блага, которые она рождает (7).

Известный релятивизм концепции сущностно-оспариваемых понятий актуализирует вынужденное обращение к политической метафизике³², а именно – к понятию политического в противовес понятию политики. Использование такого рода субстантивированных прилагательных является общим местом в социальной и политической теории XX века и встречается, например, в работах Вальтера Беньямина (живое и жизнь)³³ и Поля Рикера (справедливое и справедливость)³⁴. В современной политической теории понятие политического также активно используется для подчеркивания открытой возможности политической ре-интерпретации работ классиков социальной и политической философии³⁵.

Концептуальный парадокс политика-политическое возникает вследствие усиливающейся темпорализации и идеологизации политических понятий³⁶. Понятие политического появляется как отражение неполного характера политики, нестабильных и неустойчивых оснований политических

³² Здесь и далее понятие метафизика используется в хайдеггеровском смысле этого слова. См.: Хайдеггер М. «Что такое метафизика?» в Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.

³³ См.: Беньямин В. К критике насилия // В. Беньямин Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сб. статей. М.: РГГУ, 2012. С. 65-99.

³⁴ См.: Рикер П. Справедливое. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2005.

³⁵ См., например, серия «Thinking the Political» издательства Routledge: Beardsworth R. Derrida & the Political. London and New York: Routledge, 1996; Caygil H. Levinas & the Political. London and New York: Routledge, 2002; Hammer E. Adorno & the Political. London and New York: Routledge, 2006.

³⁶ Marchart O. Op. cit. 2007. P. 52-55.

объектов или явлений, а также неспособности приватизации политики разумом (в том числе - коммуникативным). Трансформация политических понятий является частью комплексных процессов, через которые проходят современные³⁷ общества: усиление контингентности социальной жизни³⁸ «высвобождает» политику и делает невозможным разговор о ней как об области или сфере с четко фиксированными границами. Потребность в переосмыслении политических понятий в этой связи неоднократно акцентировалась в политической науке и отражалась в дискуссиях вокруг возрастающей «экспансии политики», понимаемой как растяжение спектра изучаемых политических объектов³⁹, и «ошибки инпутизма» как склонности системной теории к жесткому разделению политических и неполитических явлений⁴⁰. В этой связи, политическая делиберация должна мыслиться как механизм политизации-деполитизации, сохраняющий открытый характер политики, но в то же время не отрицающий политику в пользу политического.

Научный вклад исследования в развитие предметного поля

На сегодняшний день внутри делиберативной демократической теории присутствуют попытки критического переосмысления «теневых» предпосылок этой направления. Среди наиболее ярких можно отметить работы Уильяма Рэхга⁴¹ и Джеймса Бомана⁴². Первый осуществляет критическую ревизию модели дискурсивной этики в свете коммунитаристской критики. Второй осуществляет критическую переработку вокабуляра делиберативной демократии в свете проблем неравенства и социальной комплексности.

³⁷ Здесь и далее современный используется как синоним слову модерный.

³⁸ См., например: Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.

³⁹ Sartori J. Concepts Misformation in Comparative Politics // The American Political Science Review. 1970. Vol. 64, №4. P. 1034.

⁴⁰ Macridis R. C. Comparative Politics and the Study of Government: The Search for Focus // Comparative Politics. 1968. Vol. 1, №1. P. 84-86.

⁴¹ Rehg W. Insight and Solidarity: a Study in the Discourse Ethics of Jurgen Habermas. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1994.

⁴² Bohman J. Public Deliberation: Pluralism, Complexity, and Democracy. Cambridge and Massachusetts: The MIT Press, 1996.

В последнее десятилетие практически отсутствуют попытки фундаментального переосмысления делиберативной демократической теории, несмотря на возросшую актуальность такой переоценки для политической науки⁴³. Данное исследование вносит вклад в современную демократическую теорию путем снятия напряжения между делиберативным и агонистическим подходами к демократии в новом понимании политической делиберации. Посредством прояснения эпистемологических возможностей политической теории в отношении политического данное исследование дает новое определение политической делиберации и обеспечивает делиберативную демократическую теорию необходимым концептуальным аппаратом для критической оценки современного состояния мира политики.

Положения, выносимые на защиту

1. Современное состояние делиберативной демократической теории обусловлено неявной победой Юргена Хабермаса в дискуссии с Джоном Роулсом вокруг понятия *политического*. В основу большинства исследований делиберативной демократии легла модель дискурсивной этики, не признающая автономного характера политического знания.
2. Понятие политического в XX веке последовательно раскрывается в трех аспектах: как диссоциация, как ассоциация, как неполнота.
3. *Политическое* должно мыслиться политической теорией как непредсказуемое событие, возникающее на основе пред-политических ситуаций.

⁴³ Об интеграции делиберативной демократической теории в эмпирическую политическую науку см.: Thompson D. Deliberative Democratic Theory and Empirical Political Science // Annual Review of Political Science. 2008. Vol. 11. P. 497-520; Ryfe D. Does Deliberative Democracy Work? // Annual Review of Political Science. 2005. Vol. 8. P. 49-71; Mutz D. Is Deliberative Democracy a Falsifiable Theory? // Annual Review of Political Science. 2008. Vol. 11. P. 521-538.

4. Необходимыми условиями политического события являются отрицание, публичность и проблематизация глубинного уровня ассоциации/диссоциации людей
5. Политическая делиберация должна мыслиться политической теорией как макро-процесс, разворачивающийся в свете обнаруженной вероятности наступления политического события, в котором кооперация сторон достигается на основе взаимного признания, индивидуализированного взаимодействия в публичной сфере с имманентно меняющимися предпочтениями.
6. Делиберативная система в условиях новой медийной среды оказывается ориентированной на производство политической бедности и усиление протеста против самой себя. Решение этой проблемы становится возможным через постоянное преодоление демократией своего системного характера.

Список публикаций

1. Savin N., Kashirskikh O. N., Mavletova A. M. Fragility of Strong Media Effects in Authoritarian Environment (Evidence from Russia) // European Journal of Communication. 2018. Vol. 33, No. 5. P. 471-488.
2. Савин Н. Ю. Порывая с Карлом Шмиттом: понятие политического в теории агонистического плюрализма // Философско-литературный журнал Логос. № 6(108). 2015. С. 163-179.
3. Савин Н. Ю. Политическая теория и понятие политического // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. №1(92). 2019. С. 6-21.
4. Савин Н. Ю. Между субстанцией и процедурой: две традиции в делиберативной демократической теории // Полис. Политические исследования. №4. 2019. С. 26-39.

Апробация результатов исследования

1. Midwest Political Science Association 74th Annual Conference (Чикаго, 07.04.2016-10.04.2016). Доклад: Breaking with Carl Schmitt: the Concept of the Political in Mouffe's Agonistic Pluralism.
2. Midwest Political Science Association 76th Annual Conference (Чикаго, 05.04.2018-08.04.2018). Доклад: Fragility of Strong Media Effects in Authoritarian Environment (Evidence from Russia).
3. Семинар «Современная социальная теория», Институт Философии РАН (Москва, 16.04.2019). Доклад: Демократия и политические события.
4. Международный симпозиум по истории исследований сферы коммуникации, НИУ ВШЭ (Москва, 08.12.2018). Доклад: О медийных и политических событиях.

Сжатое изложение основного содержания исследования

Сегодня делиберативная демократическая теория, с одной стороны, находится в своем расцвете. Накопленный багаж эмпирических исследований и имплементация практик, воплощающих принципы делиберативной демократии, в политической жизни позволяет говорить о делиберативном повороте не только в теории, но и в позитивных науках об обществе. С другой стороны, делиберативная демократическая теория все более явственно сталкивается с неспособностью реагировать на актуальные вызовы мира политики, такие как рост популярности крайне-правых партий, популизм и усиление противостояния между национальными государствами. В частности, делиберативная теория испытывает все большие трудности для описания тенденций и процессов во вдохновленном ею же проекте европейской интеграции.

Данная проблема актуализирует возврат к истокам теоретических дискуссий о делиберативной демократии, в которых центральной темой был

вопрос о политическом. Очертив границы области политического, Джон Роулс ограничивает свои притязания лишь теоретическим обрамлением процесса принятия политической концепции справедливости. В отличие от тяготеющей к философскому менторству «Теории справедливости», в «Политическом либерализме» роулсовская концепция справедливости как честности оказывается одной из множества возможных политических концепций справедливости. Для Хабермаса такая претензия на особый эпистемический статус политической теории является продуктом неверной дихотомии метафизическое-политическое и заточения философии в пределах первого. Вместо этого Хабермас опирается на мораль множества картин мира, из которой выводится концепция дискурсивной этики.

В 2000-е и 2010-е годы делиберативная демократическая теория пошла скорее по пути, предложенном Юргеном Хабермасом, чем по пути Джона Роулса. Теоретические дискуссии уступили место серии новых направлений: институциональному, системному, практическому. Институциональный поворот в делиберативной демократической теории обнаружил недостаточность фокуса на мини-публиках, в которых принимаются решения, и вывел на повестку дня вопрос о внешнем окружении этих публик. В рамках системного поворота уже само понятие делиберации вышло за пределы мини-публик, став характеристикой системы принятия политических решений, объединяющей в себе парламентско-партийный комплекс и слабые публичные сферы вокруг него. Такой взгляд на делиберацию привел к отвязке этого понятия от философского якоря дискурсивной этики, оттягивающего эту теорию в направлении моральной философии, и актуализировал новую волну дебатов о понятии делиберации. Прагматический поворот позволяет сегодня акцентировать эту повестку в виде вопроса, какие именно проблемы должна решать делиберативная система, чтобы считаться демократической?

Для ответа на этот вопрос в Главе 2 рассматривается понятие политического. В ходе становления понятия политического в XX веке можно

выделить три сюжета, которые последовательно получили свою артикуляцию в работах Карла Шмитта, Ханны Арендт и французских авторов, условно объединяемых под рубрикой пост-фундаментализма: (1) политическое как диссоциация, (2) политическое как ассоциация, (3) политическое как неполнота.

Если понятие политического включает в себя также особенности понимания *понимания политики*, то артикуляция этих трех сюжетов необходимо должна быть привязана к спецификам той формы знания, в которой эта артикуляция производится. Политическую теорию как способ знания о политике отличает (1) экзистенциальный характер вопрошания, (2) ориентированность на будущее через выявление его вероятных сценариев, скрытых в настоящем моменте. Эти особенности обуславливают то, что политическая теория должна рассматривать политическое как непредсказуемое событие, которое может возникнуть на основе предполитических ситуаций. Если сущностные трактовки неизбежно редуцируют политическое до определенных его аспектов, вызывая, в конечном счете, «онтическую слепоту», то понимание политического как непредсказуемого события, напротив, заостряет фокус внимания на поиске вероятных предполитических ситуаций здесь и сейчас. Таким образом три линии мышления о политическом обретают свою артикуляции в виде трех необходимых (но не достаточных) условий наступления политического события: отрицание, публичность, проблематизация глубинного уровня ассоциации/диссоциации людей.

В Главе 3 дается определение политической делиберации как *макро-процесса, разворачивающегося в свете обнаруженной возможности наступления политического события, в котором кооперация сторон достигается на основе взаимного признания, индивидуализированного взаимодействия в публичной сфере с имманентно меняющимися предпочтениями*. Такое понимание обусловлено тем, что задачей политической делиберации является предвосхищение и недопущение

политического события посредством превентивного разрешения пред-политической ситуации. Для успешного разрешения пред-политической ситуации политическая делиберация конвертирует отрицание в признание, подменяет публичное противостояние сторон индивидуализированным обсуждением в публичной сфере, производит рационализацию переживаний на глубинном уровне ассоциации/диссоциации людей.

Тем не менее сама способность делиберативной системы производить такую делиберацию существенно ограничивается по мере медиатизационных процессов. С одной стороны, новая медийная среда способствует умножению пред-политических ситуаций в силу скандализации публичной сферы, ее фрагментации и распространения нишевых медиа, политической фетишизации публик. С другой стороны, умножая пред-политические ситуации, сегодняшняя медийная среда усугубляет системный характер делиберативной демократии и делает ее замкнутой на самой себе. Такое противоречие приводит к усилению политической бедности, понимаемой как неспособность групп граждан эффективно участвовать в демократическом процессе⁴⁴. Для решения этой проблемы делиберативная демократия должна постоянно преодолевать свой системный характер, (1) признав саму себя как проблему, (2) сняв ограничения на обсуждения в публичных сферах, (3) поколебав разумную всеобщность институционального каркаса посредством интеграции практик представительства или выбора, основанных на, например, принципах жеребьевки.

Такой взгляд на делиберативную демократию преодолевает ее морально-идеалистический характер, наследуемый от кантианских мотивов в проектах Роулса и Хабермаса. На смену преклонению политики перед моралью, столь явно выраженному в проекте Хабермаса и в меньшей мере – в проекте Роулса, приходит признание политической обусловленности морали и разума. Такая обусловленность контекстуализирует универсалистские притязания делиберативной демократии. В отличие от

⁴⁴ О политической бедности см.: Bohman J. Op. cit. 1996. P. 110.

моделей дискурсивной этики и политического либерализма, политическая версия делиберативной демократии не содержит в себе табу на пересмотр базовых конституционных принципов или же догматичной приверженности процедурам и техникам обсуждения.